

В. Крыжановская

Мертвая петля

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
В11

В11 **В. Крыжановская**
Мертвая петля / В. Крыжановская – М.: Книга по Требованию, 2013. – 166 с.

ISBN 978-5-4241-2887-5

Что представляет собой мир, в котором мы живем? Кто есть мы и каков смысл бытия? Эти вопросы всегда волновали и будут волновать людей, потому что наши знания об окружающем нас мире и о нас самих ограничены. Это Тайна, которую мы, люди, пытаемся разгадать.

Книги Веры Крыжановской являются тем волшебным зеркалом, через которое мы можем заглянуть в невидимый для нас мир Тайны, существующий рядом с нами, узнать некоторые фундаментальные законы бытия и ответить на многие вопросы.

ISBN 978-5-4241-2887-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013
© В. Крыжановская, 2013

Глава 1

*«Я-то спую, исполню свой долг,
сказал петух, — а рассветет или нет,
это — уж не от меня зависит».*

Грузинская пословица

На Большом проспекте Петербургской стороны стоял старинный каменный двухэтажный дом с садом.

Очевидно, в нём давно не было никакого ремонта, и дом имел запущенный вид; из под обсыпавшейся штукатурки на стенах кое-где выглядывали кирпичи, а украшавшие ворота и поддерживавшие герб с княжеской короной кариатиды выветрились, почернели и стояли с отбитыми носами.

Был холодный и мгlistый октябрьский день. Ворота дома были открыты настежь, а за ними виднелся большой мощёный двор и подъезд с двумя фонарями на каменных колоннах, бывших когда-то белыми, но теперь ставших грязно-серыми.

В глубине двора, у чёрного входа, собралось несколько человек прислуги, оживлённо разговаривавших. Там был дворник в полосатой шерстяной фуфайке и с метлой в руках, швейцар, лакей в сильно поношенной ливрее, конюх и повар в колпаке и фартуке сомнительной чистоты. Они окружили и слушали молодого плутоватого лакея, который громко разглагольствовал.

— А я вам повторяю, что то — правда. Голову даю на отсечение — не нынче завтра про то объявка будет. Кто хочет со мной обклад биться на бутылку шампанского, которую я беспременно сопру в обручение? — нагло усмехаясь, закончил лакей.

— С ума ты спятил, Петр! Подумай только, что городишь. Ста-точное ли дело, чтобы князь Пронский, большой барин, вельможа, можно сказать, отец пятерых детей, и женился на жидовке? Ведь срамота-то какая, подумай, да стыд для всего семейства! Нет, про то

подумать невозможно! Ты что-нибудь путаешь, — ответил старый лакей.

Его озабоченное, морщинистое лицо даже покраснело от негодования.

— Эх, Прокофий Емельяныч! Как вы, значит, тридцать с лишним лет в доме прожили, да лучшие времена видывали, так вот вы и не можете к разорению господ привыкнуть. А я вам то, верно говорю, что к свадьбе идёт. И дивиться тут нечему, когда об наших делах помыслишь. Всюду долги: дом заложен и последнее именъешко продано; а векселя да исполнительные листы так дождём и сыпятся. По всем, как есть, магазинам задолжали. От таких делов и на самой чёртовой прабабушке женишься.

— Ещё бы, — вмешался повар, размахивая ложкой, которую держал в руках. — В мясной забрали больше трёхсот рублей, и того гляди, кредиты закроят, а в молочной и зеленой тоже давно не плачено. А какое у нас меню? Тьфу! Разве это обед в княжеском доме? Коли перемены не будет, я двадцатого числа от места отказываюсь. Право, стыдно нос показать в лавке. Да я сам за последний месяц жалованье не получал.

— Всё равно как я, — со вздохом проворчал швейцар. — Мне ещё за два месяца должны. Ливрея вся сносилась; полюбуйтесь, какую заплату мне жена на локтю поставила; даже не отдали портному в починку. Кабы не дети, да большая комната с кухней, я бы давно ушёл.

— Очень просто, что убежишь от энтакого дома. Работы сверх головы. Вот уж пять часов, а у меня куса во рту не было. Даже и «чаев» нет, потому никто из настоящих господ к нам не ездит, — презрительно прибавил Петр.

— А что это за жидовка такая? С толкучки что ли? — осведомился Прокофий, слушавший молча и грустно понурился. — Там из старьёвщиков есть очинно богатые! Вот, к примеру, Мовша Майдель, у которого я пальто и другие вещи покупаю, большие деньги имеет, да и дочь у него, кажется, есть.

— Вот ещё! Что выдумали! — захихикал молодой лакей. — Нет, наша будущая княгиня другого сорта; ейный «тателе» миллионщик, банкир Аронштейн, а она у него единственная дочь. У одного из братьев в Киеве огромный сахарный завод; а другой Аронштейн бо-

гатующий лесоторговец в Вильне. Я его знаю, он теперича здесь. Его камердинер мне двоюродным братом приходится; вот он то мне и рассказал все новости.

— Как же это князь может жениться на жидовке, когда наш закон запрещает нехристей за себя брать? — не сдавался Прокофий, хватаясь за это соображение, как утопающий за соломинку. На это Петр в ответ только презрительно свистнул.

— Ну, это свадьбе не помеха. Она крестится, только и всего. Вообще, почтеннейший Прокофий Емельяныч, всему этому тиранству, на счёт веры, конец приходит. Не дальше как позавчера я слышал, как барин с сенатором Алымовым о том говорили, что в Питере это — решенное дело, и что будет объявлена свобода веры; тогда всякий женится на ком угодно, даже веру себе выберет кто какую захочет. Я вам предсказываю так же верно, как прозываюсь Петром Биелковским, что тогда много русских перейдёт в нашу свенту виру католическу!

— То правда, — поддержал его повар, заядлый поляк и фанатик, подобно Петру. — Потому наша вира католическа — панска вира, а ваша православна — хамска для быдла, для голодрапанцев.

Оба поляка были рады задеть за живое их непримиримого врага — Прокофия, не менее стойко защищавшего всегда своё православие, национальность. Но тот, в ответ на оскорбление, плюнул в сердцах повару в лицо и пошёл в дом.

— А, пшеклентый москаль, — заревел повар, бросаясь ему во след с поднятой ложкой в руке, — ты за это заплатишься.

Ссора, вероятно, закончилась бы свалкой, в которой принял бы участие и конюх с вожжами в руках, но в это время лихач влетел в ворота и остановился у большого подъезда. Люди поспешно разошлись.

— Папа дома? — спросил приехавший на извозчике юный камерпаж.

— Никак нет! — Его сиятельство в десять утра изволили выехать, — ответил Петр, помогая ему выйти из экипажа.

Прибывший был юноша лет девятнадцати, высокий и стройный, с густыми белокурыми волосами и темно-кариими глазами, казавшимися почти чёрными. В эту минуту он был, по-видимому, чем-то взволнован и озабочен.

Расплатясь с извозчиком, он вошёл в обширную прихожую с колоннами и стал подниматься по широкой лестнице, без ковра, украшенной двумя белыми мраморными вазами, предназначавшимися для цветов или растений, но теперь пустыми. На первой площадке лестницы стояло большое зеркало в роскошной, но почерневшей от времени раме, а рядом бронзовая статуя женщины, державшей лампу.

Паж поднялся во второй этаж и длинным коридором прошёл в просторную и запущенную комнату, с двумя венецианскими окнами в сад. Мебель была золочёная, крытая старым, выцветшим штофом; письменный стол и пузатая шифоньерка, в стиле Людовика XVI, украшенные бронзой и медальонами, были верхом изящества; потолок был расписной и лепной. Через открытую, красного дерева дверь видна была спальня с большой постелью, драпированной голубым на оранжевой шелковой подкладке штофом; стены были расписаны амурами и гирляндами. Но всё это как-то завяло, выцвело, износилось и говорило о минувшей роскоши и погибшем богатстве, которое теперь своими блестящими обломками прикрывало всюду проглядывавшую нищету. Белесоватый полусвет тёмного октябрьского дня только усиливал это мрачное и тоскливое впечатление, рассеять которое не мог яркий огонь, пылавший в камине.

Юноша снял каску и шпагу, расстегнул мундир и, усталый, опустился в кресло. Он так крепко задумался, что не заметил, как вошёл старый лакей и поставил подле него на стол поднос с чаем, хлебом, маслом и сыром.

— Не угодно ли испить стаканчик горячего чайку? Погода нынче студёная.

Паж вздрогнул и выпрямился.

— А, это ты, Прокофий? Спасибо, старый друг, но чаю я не хочу. Скажи-ка лучше, знаешь ли ты, что здесь творится... насчёт отца, — добавил он с усилием. Старый слуга смутился.

— Болтают разное, — нерешительно, вполголоса ответил он. — Да я поверить не могу, чтобы его сиятельство забыли, кто они...

Старик запнулся, увидав, что молодой князь закрыл лицо руками и тяжело вздохнул.

Настало молчание, как вдруг отворилась дверь из коридора, и на пороге далась молоденькая, лет восемнадцати, девушка, которую по сходству с пажем можно было принять за его сестру.

Она была стройна и тонка, с дивным цветом лица и большими, чёрными, как у газели, глазами; густые, золотисто-каштановые волосы, заплетённые в две косы, падали ниже колен.

По-видимому, она тоже была в сильном волнении: щеки её пылали, и глазки горели. Девушка бросилась к брату, схватила его за руку и заговорила, торопливо задыхаясь:

— Арсений, если бы ты только знал, что мне сегодня сказали в консерватории! Одна из учениц моего класса, Айзенберг, понято еврейка, объявила, что папа женится на её кузине. Я ответила, что она лжёт и что никогда жидовка не будет княгиней Пронской, но тогда Китти Бахтина подтвердила её слова и сказала, что в свете тоже все говорят про этот брак. Я не могла от волнения кончить свой урок и тотчас же уехала домой; да и теперь ещё вся дрожу... Какой позор!

Её душили слёзы и, опустясь в кресло, она судорожно зарыдала.

— Ninon, Ninon, успокойся, — бросился утешать её брат и, встав на колени около неё, обнял сестру.

— Ну, не плачь же, дорогая! Это неправда, это пустая сплетня. Сестра положила голову на плечо брата и закрыла глаза; но вдруг выпрямилась и сказала сквозь слёзы:

— Знаешь, что? Пойдём к бабушке...

— Да, пойдём и расскажем ей всё.

— В эту минуту раздался стук колёс у подъезда, и молодые люди вздрогнули.

— Это папа! Идём скорее, чтобы с ним не встретиться, — торопливо пробормотала княжна.

И они пустились бежать по коридору. Затем, через скрытую в стенной резьбе дверь, брат с сестрой выскочили на лестницу и оттуда шмыгнули в другой коридор, который привёл в гардеробную, где дама в тёмном платье прибирала в стенной шкафчик разные коробочки и склянки с лекарствами.

— Фрейлейн Амалия, бабушка не спит? — спросил Арсений.

— Нет, княгиня встала, — приветливо ответила им компаньонка, жившая в доме больше двадцати лет и знавшая детей с рождения.

Соседняя с гардеробной спальня была пуста и освещалась лишь горевшими перед большим киотом лампадами, но через полуоткры-

тую в другую комнату дверь пробивался свет. Вдруг Арсений, схватив сестру за руку, остановил её и приложил палец к губам; в комнате, рядом, хлопнула дверь, и послышался звучный голос отца:

— Я не беспокою вас, татап?

— Нисколько, мой дорогой. Милости просим. Я ещё не видала тебя сегодня.

Бесшумно подкрались молодые люди к двери и, притаясь в складках опущенной портьеры, заглянули в комнату, где их бабушка, Евдокия Петровна Пронская, сидела в кресле у стола.

Худое и бледное лицо старой княгини сохранило следы редкой красоты. Её большие голубые глаза смотрели молодо и умно. Серебристо седые волосы прикрывала кружевная косынка; широкий шёлковый капот вырисовывал стройный ещё стан, а руки, которые перебирали в корзинке шелка и шерсть, были красивы и белы, как у молодой женщины.

Князь-отец был человек лет под пятьдесят, но казался гораздо моложе. Высокого роста, худощавый и стройный, он очень походил на мать; у него были такие же, как у неё, голубые глаза и тот же холодно гордый вид. Чёрные, чуть серебрившиеся на висках и бороде волосы, придавали ему моложавость, что противоречило общему усталому выражению его лица. От него веяло беспорным, врождённым благородством.

Поцеловав руку матери, он сел у стола и слегка дрожавшей рукой подвинул шёлковую бабочку на абажуре так, чтобы его смущённое лицо осталось в тени.

— Ну, что же, мой милый? Ты словно хотел мне что-то сказать, — спросила княгиня, удивлённо и беспокойно смотря на озабоченное лицо сына, который нервно крутил усы.

Князь встал и, заложив руки в карманы, прошёлся по комнате, а затем остановился перед матерью.

— Дорогая татап, я должен сообщить вам нечто, очень важное, — решительно сказал он.

— Боже мой! — испугалась княгиня. — У тебя снова денежные затруднения? Или тебе отказали в обещанном месте губернатора, и нужно дом продать?

— Ничего подобного. Напротив, я избавлен на будущее время от всяких материальных забот, могу дать детям блестящее воспита-

ние и поддерживать Арсения в гвардии; а что касается губернаторства, то оно теперь за мною вернее обеспечено, чем когда-нибудь. Короче говоря, я получил сегодня 250,000 и через три недели получу ещё столько же. Правда, что жертва, которую я для этого приношу, громадна и очень тяжела для самолюбия всех нас, но... — он на минуту остановился, — я должен был это сделать и жертвую собою, чтобы спасти семью. Не могу же я, в самом деле, мести улицы ради куска хлеба!...

— Что же это за сделка, давшая тебе такие деньги и которую ты считаешь тяжёлой жертвой?

— Женильба, — коротко и строго ответил князь.

Лицо княгини густо покраснело и потом побледнело.

— А, понимаю: какая-нибудь московская купчиха староверка? Да, признаюсь, это тяжело!

Князь тяжело вздохнул.

— Нет, тамап. Та, к которой я вчера посватался, — дочь банкира Моисея Аронштейна, Сарра. Впрочем, отец позволяет ей креститься, и она принимает лютеранство.

Княгиня стремительно встала, и корзинка с работой полетела на пол. Лицо её побледнело, а губы так дрожали, что она не могла говорить. Испуганный князь поддержал её и хотел усадить в кресло.

— Мамап, придите в себя.

Но княгиня оттолкнула его.

— Жидовка?.. Ты, князь Пронский, женишься на жидовке... Ложь!.. — почти крикнула она и бессильно упала в кресло, как подкошенная.

— Будьте же рассудительны, тамап! Вы ослеплены отжившими предрассудками, которые в наше время не имеют никакого смысла.

— Не имеют смысла? — И княгиня сухо рассмеялась, а лицо её снова побагровело. — Ты сам слеп, если не понимаешь, что кровавыми слезами заплатишь впоследствии за совершаемую тобою подлость. Да, подло связываться с мерзким племенем, врагом всего христианства и пьющим христианскую кровь, — задыхаясь, продолжала она. — Этим ты не только оскорбляешь память твоей покойной жены, но осквернишь душу своих детей, сделаешь свой дом очагом всяких преступлений и бесчинств, потому что этот ненавистный всем на-

род, не имеющий ни отечества, ни нравственных начал, где бы ни поселился, всюду подрывает веру, честь и благосостояние приютившей его страны. Тебе хорошо известно, что теперь они ополчились на нашу несчастную Россию, и в такую-то именно минуту ты избираешь, чтобы продать им себя! Ведь, как только эта проклятая баба переступит твой порог, вся орава её родни облепит тебя и не выпустит из когтей, пока твоё древнее имя не будет затоптано в грязь, честь твоя поругана, а сердце и душа твоих детей заражены. Опомнись, Жорж? Швырни им их Иудовы сребряники, за которые они покупают твой княжеский титул, а тебя обращают в рабство. Пусть лучше мы будем бедны, продадим всё, что есть, но только — не этот позорный торг. Никто из нас роптать не будет. Арсений пойдёт по иной дороге, Ninon станет работать...

В эту минуту следившие за разговором Арсений и Нина стремительно кинулись в комнату и упали перед отцом на колени.

— Папа, папа, не делай этого, не давай нам такой мачехи, — со слезами говорили они.

Князь побледнел и попятился. Голос его стал хриплым от волнения, когда он резко оттолкнул руки детей.

— Оба вы глупы и воспитаны в глупых предрассудках. Евреи — такие же люди, как и все, а моя невеста — развитая и вполне воспитанная девушка. Наконец, раз я дал своё слово, стало быть всё бесповоротно решено; а вы примите вашу *belle-mere* (*фр.* — мачеху) с должным уважением, которого она вполне заслуживает. Вот моё последнее слово... Он почти выбежал из комнаты, громко хлопнув дверью. Старая княгиня вскочила со своего места, протянула руки, словно пытаясь удержать сына, и сделала несколько шагов, но вдруг зашаталась и замертво рухнула на ковёр.

— Бабушка, бабушка, не умирай!.. Ты — наша единственная опора, — крикнула Нина, бросаясь в испуге к Евдокии Петровне, которую Арсений старался приподнять.

Из гардеробной прибежала привлечённая шумом фрейлейн Амалия и помогла князю с княжной перенести бабушку на кровать.

Глава 2

Весь бельэтаж громадного дома на Сергиевской был ярко освещен, сквозь кружевные занавеси больших зеркальных окон видны были горевшие тысячами огней громадные люстры и движение нарядной толпы; швейцар еле успевал отворять двери гостям, подъезжавшим кто в собственных экипажах, кто на извозчиках, а то и просто приходившим пешком.

Дом принадлежал миллионеру, банкиру Моисею Соломоновичу Аронштейну, который праздновал в кругу близких помолвку своей единственной дочери с князем Пронским. Ему хотелось теперь хвастнуть своим торжеством перед многочисленной роднёй, давно сторожившей великое событие обручения Сарры с титулованным «гоем», попавшим, наконец, в их сети.

Аронштейны были родом из Вильны и вышли из еврейской гольтльбы. Дед их был мелким фактором, отец сначала держал на пограничной станции меняльную лавочку, но затем, путями, ведомыми одним евреям, быстро разбогател. Умирая, он оставил своему сыну, Моисею, банкирский дом в Петербурге, а прочим сыновьям и дочерям хорошее состояние, которое они приумножили в свою очередь.

В этот день вся семья, за малым впрочем исключением, была в сборе. В кабинете хозяина собрались мужчины: два его брата, Аронштейны из Киева и Вильны, три зятя Мандельштерны из Варшавы, Катцельбаум из Бердичева и Бернштейн из Одессы, брат m-me Аронштейн, рожденной Эпштейн, и ещё трое молодых, из которых один был адвокат, а двое — студенты университета. Кроме близких, тут был раввин и несколько друзей.

Собрание было типичное. Несмотря на изысканные костюмы и роскошь окружавшей обстановки, пошлость этих господ с размашистыми манерами была в глаза; жаргон, употреблявшийся в своем кругу, звучал несносно крикливо, потому что многие говорили зараз, стараясь перекричать друг друга. Наконец, ни куренья, ни духи не могли заглушить тот специфический запах, который еврей, подобно

негру, распространяет вокруг себя, и в кабинете стоял тяжёлый, неприятный воздух.

Разговор шёл шумный и оживлённый, потому что речь коснулась политики, а настоящее положение дел и планы на будущее страстно увлекали собеседников.

Поднят был жгучий вопрос о еврейском равноправии, и обсуждавшиеся способы скорейшего достижения этой, страстно желанной цели, вызывали горячие споры. Самым страстным из говорунов был адвокат Аарон Катцельбаум. Ни на какие уступки он не шёл и громко заявлял, что народ их тогда только займёт положение, принадлежащее ему по праву и соответствующее его энергии, жизненности, работоспособности и культурно-либеральным стремлениям, когда министры будут из евреев и возьмут в твёрдые руки бразды правления, когда в армии и во флоте израильские генералы станут начальствовать наравне с христианами и когда во всём государственном управлении влияние еврейства будет преобладающим.

— Это и есть та, конечно, цель, к которой мы должны стремиться и которую достигнем непременно, потому что гои сами расчищают нам дорогу своей продажностью, низостью и постоянной, губительной для них же рознью. Тем не менее, такое грандиозное предприятие должно быть исподволь и тщательно подготовлено: чтобы разрушить здание, надо прежде подрывать фундамент и расшатать стены, — заметил старый Бернштейн и затем с довольной улыбкой продолжал:

— Без всякого преувеличения теперь уже можно сказать, что труднейшая часть этой подготовительной работы закончена. Обеднение и упадок дворянства идёт своей дорогой, денационализация, на подкладке либерализма и равнодушия к вере, подвигается исполнинскими шагами, захватывая высшие классы, школы и рабочую массу, т. е. армию будущей революции. Наконец, самое трудное — несправедливое и возмутительное предубеждение против нас, которое выросло на почве долгих веков нашего унижения, скоро исчезнет.

— Исчезнет?! Нет, мало! Этот предрассудок надо обернуть против них: мы должны презирать наших гонителей, дать им почувствовать наше отвращение, нашу ненависть и доказать, что низшая раса это — они! — крикнул один из студентов, потрясая кулаком.